

Директор ФГБУН Институт языкознания РАН

УТВЕРЖДАЮ
чл.-корр. РАН, проф.
В. М. Алпатов

«19» *марта* 2015 г.

**Отзыв ведущей организации ФГБУН Институт языкознания РАН
на диссертацию В. И Харабаевой
«Функционально-семантическая категория персональности
в якутском языке», представленную на соискание степени
кандидата филологических наук по специальности 10.02.02 —
Языки народов Российской Федерации (якутский язык)**

Диссертация В. И. Харабаевой посвящена средствам выражения персональности в якутском языке. Под персональностью понимается выражение лица и числа участников ситуации — в якутском, как и во многих других языках, это в первую очередь относится к субъекту действия. Тема рассматривается в рамках теории функциональной грамматики (связанной с петербургской школой и в первую очередь с именем А. В. Бондарко). При таком подходе комплексно рассматриваются все средства выражения той или категории, которые подразделяются на более центральные и более периферийные. В применении к якутскому, как и к большинству тюркских языков, такой подход является новым и позволяет обнаружить не замеченные ранее закономерности. Отметим, что в рамках единой категории рассматриваются и лицо, и число; таким образом, персональность как функционально-семантическое поле в якутском языке насчитывает пять составляющих: 1 лицо единственного и множественного числа, 2 лицо единственного и множественного числа и 3 лицо без разделения на числа; в императиве к ним добавляется шестая: 1 лицо двойственного числа (см. об этом ниже).

Диссертация, помимо Введения, Заключение, списка литературы и сокращений, состоит из трех практически равных по объему глав.

Первая глава посвящена истории исследования персональности и также поделена на три части (забавно отметить, что и эти три части почти идеально равны по своему объему). В первой части излагается история исследования категории лица и персональности в русском языке, начиная с работ XIX века и заканчивая последними годами. Эта часть диссертации имеет самостоятельную ценность в качестве обзора точек зрения на проблемы, связанные с персональностью в русском языке, и может быть полезна всем, кто интересуется этой тематикой. Вторая часть первой главы посвящена истории изучения категорий лица и числа в тюркских языках вообще и в якутском в частности. Наконец, в третьей части рассматриваются особенности персональности в типологическом аспекте, с привлечением материала языков различной структуры, в том числе обладающих полиперсональным спряжением. Здесь же обсуждаются различные сложные случаи категории персональности. Это, в частности, ограничения на сочетаемость с субъектом (например, возможность только субъекта 3-го лица или вовсе невозможность субъекта, как

в безличных высказываниях). Это также различные несобственные употребления лично-числовых показателей и местоимений — например, различные употребления 1 лица множественного числа: «авторское *мы*», «торжественное *мы*» и т. д. (с. 46; здесь можно было бы вспомнить также так называемое «докторское *мы*» во фразах типа *Как мы себя чувствуем* и т. п.).

Вторая глава посвящена центральным, или «ядерным» средствам выражения персональности в якутском языке, к которым относятся категория лица в глагольных формах (финитных и нефинитных), именная категория сказуемости (предикативные личные аффиксы) и личные местоимения. Глава разделена, соответственно, на три части, где подробно и с большим количеством примеров иллюстрируются эти три темы.

При обсуждении финитных глагольных форм, как кажется, было бы правильно уделить больше внимания соотношению персональности и других грамматических значений. Так, инклюзивное 1-е лицо встречается только в императиве, причем только здесь оно имеет не только множественное, но также и двойственное число. Поэтому не вполне корректны ссылки на самодийские, арабский и другие языки (с. 73), в которых двойственное число присутствует во всей парадигме и глагола, и существительного. Более правильной была бы аналогия, к примеру, с западногренландским языком, а из тюркских — например, с хакасским, где в императиве также возникает отдельная форма двойственного числа инклюзива. Другой пример, также с императивом — об употреблении 2 лица единственного числа императива для действий говорящего (с. 86). Поэтому кажется, что рассматривать персональность как категорию, вовсе не зависимую от наклонения (а возможно, и других грамматических категорий), не вполне верно.

Еще один вопрос, возникающий в связи с императивом, — это тождественно ли инклюзивное 1 лицо множественного числа императива формам 1 лица множественного числа других наклонений, которые не различают инклюзивности и эксклюзивности.

Наконец, на с. 86—87 приводятся примеры употребления 2 лица единственного числа повелительного наклонения в значении модального слова: *көр* ‘смотри’, *иһит* ‘слушай’. Было бы интересно узнать, какие глаголы допускают такое употребление: только два приведенных или также какие-либо другие.

При обсуждении употребления 2-го лица в обобщенно-личном значении остается не вполне понятным отличие «абсолютной обобщенноличности» от других вариантов «неопределенно-обобщенного расширения субъекта» (с. 70). Чем отличается в этом плане, к примеру, высказывание *Историяны таптаабыккынан уҥа-ханас туптаккын* (ДХО, 76) ‘Историю не перепишешь’; от *Кыыһырааҥҥын кырдьыгы кыайбаккын* (СД СГТ, 77) ‘Сердьясь, не победишь правду’?

Большой интерес представляет раздел 1.3 «Категория лица инфинитных глагольных форм». Как известно, в якутском языке более, чем в других тюркских языках, нефинитные формы могут присоединять личные окончания, и в предыдущих работах эта тема не была рассмотрена достаточно подробно. Настоящая диссертация вносит свой вклад в ее исследование. Правда, надо заметить, что некоторые положения заслуживают более ясной формулировки. Так, например, на с. 89 говорится, что «в предложении, где в зависимой части лицо выражено не личным оформлением деепричастия, а личным местоимением, содержание высказывания немного притупляется», например

1) *Эн кэлэнгин оонньуубут табыста* 'Ты пришел, поэтому игра наша пошла хорошо' и 2) *Эн кэлэн оонньуубут табыста* 'Ты пришел, поэтому игра наша пошла хорошо'. Понятно, что тонкости семантики не всегда легко эксплицировать, но, возможно, хотя бы большее количество примеров могло бы сделать «притупление содержания высказывания» более понятным.

Раздел 2 главы 2 посвящен предикативным формам имен. Такие формы хорошо известны в языках Сибири и соседних ареалов, однако детальных описаний их употребления известно немного. Данный раздел диссертации также представляет поэтому самостоятельный интерес. Отметим, что тюркские языки имеют в этом плане свои особенности — так, предикативные личные окончания могут присоединяться, в частности, к послелогам (см. примеры на с. 109—110). Для самодийских языков, к примеру, такие формы, насколько известно, не характерны.

Наконец, в разделе 3 этой главы описывается употребление личных местоимений. Заметим, что при рассмотрении одного из случаев обязательного употребления личных местоимений — в качестве именного сказуемого, по-видимому, по недосмотру приводятся примеры, где местоимения используются в качестве подлежащего (*кѳни учуутал* 'он учитель' — с. 119).

Третья глава посвящена периферийным средствам выражения персональности в якутском языке. К таковым относится широкий и достаточно разнородный класс явлений. Это, во-первых, посессивные формы имен. Также это косвенные падежи личных местоимений, но вместе с ними и формы указательных местоимений и обычных существительных с притяжательными аффиксами в значении субъекта (но, по-видимому, аналогичным образом можно выразить не только подлежащее? Таких примеров почему-то нет). Также это вообще любые слова, способные иметь референцию к одному из участников речевого акта («лексические средства выражения персональности»). Это и «синтаксические средства выражения персональности», когда эксплицитного указания на лицо вообще нет; отметим, среди прочих, интересную конструкцию «причастие на *-быт* + *кѳни* 'человек'» в значении пожелания — с. 147—148). Наконец, к «крайней периферии категории персональности» автор, вслед за А. В. Бондарко и другими, относит безличные конструкции.

Подводя итог, можно сказать, что в диссертации рассмотрен очень широкий круг вопросов, связанных с выражением лица и числа в якутском языке. Многие конструкции якутского языка ранее не рассматривались в таком контексте либо вообще не попадали в поле зрения исследователей. Вероятно, некоторые явления остались за пределами данной работы, однако в любом случае она представляет собой ценный вклад в типологию средств выражения персональности и, возможно, отправной пункт для дальнейших исследований.

В качестве пожелания по улучшению работы, помимо высказанных выше замечаний, хотелось бы указать на некоторую стилистическую непроработанность текста. Так встречаются выражения «противопоставляться к чему-либо» (например, с. 24 или 52, вместо «противопоставляться чему»), «характерно в языках» (с. 54, вместо «характерно для языков»), «время спрягается аффиксом сказуемости» (с. 67, вместо «время присоединяет/требует аффикс») и другие. Разумеется, подобные недочеты легко могут быть исправлены, например, при подготовке текста к печати.

Как следует из сказанного, данная диссертация содержит много интересного материала, может быть полезна как специалистам-якутоведам и тюркологам,

так и специалистам по языкам Сибири и типологам более широкого профиля. Указанные недостатки могут быть легко устранены.

Автореферат и основные публикации автора соответствуют содержанию диссертации и отражают выводы исследования.

В целом, диссертация В. И. Харабаевой «Функционально-семантическая категория персональности в якутском языке» представляет собой завершенную научно-квалификационную работу и соответствует критериям, установленным Постановлением от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (пункты: 9, 10, 11, 12, 13, 14), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.02. — Языки народов РФ (якутский язык).

Отзыв подготовлен кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником Сектора типологии Отдела типологии и ареальной лингвистики ФГБУН Института языкознания Российской академии наук Гусевым Валентином Юрьевичем.

Настоящий отзыв обсужден и утвержден на заседании Сектора типологии ФГБУН Института языкознания РАН 18 марта 2015 г., протокол № 2.

Зав. сектором типологии
чл.-корр. РАН проф.

В. А. Плуныян

Сведения о ведущей организации:

федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт образования Российской академии наук».

Россия, 125009 Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

Тел. (495) 690-35-85, факс (495) 690-05-28, e-mail iling@iling-ran.ru;

www.iling-ran.ru.

Сектор типологии: тел. (495) 691-87-95, e-mail typol@iling-ran.ru.

